

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО КАК «АРХЕТИП» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Татьяна Ивановна Вендина –

доктор филологических наук,
руководитель Центра ареальной лингвистики,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: vendit@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу проблем антропологической лингвистики. Актуализация в последнее десятилетие идей антропологической лингвистики способствовала возрождению интереса к идее В. фон Гумбольдта о языке «как деятельности народного духа». В центре ее внимания — исследование проявлений «человеческого духа» в языке, обычаях, обрядах, мифах, иными словами, анализ процессов восприятия, познания, мышления и эмоционального отношения человека к миру. Язык «как деятельность народного духа» в соответствии с направленностью антропологической лингвистики рассматривается одновременно и как инструмент ментального упорядочивания мира, и как зеркало этнического мировидения. Перед лингвистикой открылось новое поле исследований, связанных с герменевтическим изучением языка, что позволило перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т.е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения. Из лингвистики «в самой себе и для себя» (Ф. Соссюр) она превратилась «зачем / почему-лингвистику» (А.Е. Кибрик). И в этом превращении в интерпретационную лингвистику особая роль принадлежит когнитологии, которая дает языковым фактам культурологическое, этнопсихологическое и историческое объяснение. Автор считает, что адекватная характеристика психологии народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на данные языка. Апелляции к мнениям и оценкам каких-либо авторитетов из области литературы или философской мысли являются мало убедительными, поскольку это всегда взгляд со стороны, который отличается субъективизмом. По мнению автора, необходимо отрешиться от навязываемых оценок и проникнуть в идеологию языка. Тем более что успехи когнитивно-ориентированной лингвистики говорят о том, что «языковая структура не произвольна, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая «отражается» в зеркале естественного языка. Привлекая обширный диалектный материал, автор доказывает, что, изучая диалектное слово, мы сможем понять не только архетип нашей культуры, но и ее подлинную сущность. Это положение автор иллюстрирует на примере такого базового концепта русской традиционной культуры, как ТРУД. Анализ диалектного материала в предложенном ракурсе позволил критически оценить негативные оценки русского народа, для которого якобы характерны лень, пассивность, отсутствие деятельностного начала. ТРУД, по мнению автора, это не просто деятельность, а этически значимая деятельность, которой до сих пор определяется русская ментальность, поэтому отрицание трудолюбия как качества русского человека влечет за собой отрицание самой нравственной основы его жизни.

Ключевые слова

Диалектология, языковое сознание, антропологическая лингвистика.

Статья поступила в редакцию 25 марта 2019 г.

DIALECT WORD AS “ARCHETYPE” OF RUSSIAN CULTURE

Tatyana I. Vendina

Doctor of Sciences,
Head of the Research Centre
for Areal Linguistics,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: vendit@rambler.ru

Abstract

The article analyses the problems of anthropological linguistics. In the last decades, the ideas of anthropological linguistics have been actualised, which contributed to the revival of interest in Alexander von Humboldt’s idea that a language is “activity of national spirit.” It focuses on the study of the manifestations of the “human spirit” in language, customs, rituals, myths — in other words, the analysis of the processes of perception, knowledge, thinking, and man’s emotional attitude to the world. Language as “activity of national spirit” in accordance with the direction of anthropological linguistics is considered both as a tool of mental ordering of the world and as a mirror of ethnic worldview. Before linguistics opened a new field of research related to the hermeneutic study of language, which allowed us to move from empirical data to their interpretation analysis, i.e. to rise from the level of registration of facts to the level of their explanation. From linguistics “in itself and for itself” (F. Saussure), it turned into a “why/why-linguistics” (A.E. Kibrik). And in this transformation of interpretative linguistics, cognitive science has a special role and gives cultural, ethno-psychological, and historical explanation to the linguistic facts. The author believes that an adequate description of the nation’s psychology and its culture should be obtained based on the data of their language. Appeals to authorities’ opinions in the field of literature or philosophical thought are not convincing, because it is always a point of view from the outside, which is subjective. According to the author, it is necessary to abandon the imposed assessments and penetrate into the ideology of language. Moreover, the success of cognitive-oriented linguistics suggests that the language structure is not arbitrary and it is significantly motivated by the organization of cognitive structure, which is reflected in the mirror of natural language. Using a lot of dialect material, the author proves that by studying the dialect word we will be able to understand not only the archetype of our culture, but also its true essence. The author illustrates this position on the example of such basic concept of Russian traditional culture as WORK. The analysis of dialect material in the proposed perspective allowed to critically assess the negative perception of the Russian people, who are allegedly characterized as lazy and passive. According to the author, WORK is not just an activity, but an ethically significant activity, which is still determined by the Russian mentality, so the idea that Russians do not accept hard work is denial of the moral basics of their life.

Keywords

Dialectology, linguistic consciousness, anthropological linguistics.

Received 25 March 2019.

Сегодня, когда сами события с неумолимостью ведут нас к осознанию того, что мы живем в условиях опасного смешения элементов культуры и бескультурья, нам надлежит — хотим мы того или нет — попытаться определить сущность подлинной культуры.

А. Швейцер. Культура и этика (М., 1973)

Актуализация в последнее десятилетие идей антропологической лингвистики, обратившейся к изучению «души языка», т.е. опредмеченному в нем мировидению, системы ценностей этноса, способствовала возрождению интереса к идее В. фон Гумбольдта о языке «как деятельности народного духа». Развитие этой идеи проходит сегодня в двух направлениях — исследование «стереотипов» культурного сознания (особенно часто внимание исследователей привлекает проблема восприятия этноса «чужими», а также автовосприятия, так называемые автопортреты) и реконструкция «языкового сознания народа», чаще всего его культурно-антропологического портрета в зеркале того или иного языка.

Между тем оба этих направления, по сути дела, являются реализацией еще одной идеи В. фон Гумбольдта, высказанной им в более ранних работах, — идеи создания «сравнительной антропологии». Под «сравнительной антропологией» он понимал науку, занимающуюся сопоставительным изучением различных социумов с целью выявления специфики их духовной организации, т.е. предметом «сравнительной антропологии» должен был стать вопрос о том, как человек мыслит, чувствует, эмоционально реагирует и действует в условиях различных культур. В связи с этим в центре ее внимания — исследование проявлений «человеческого духа» в языке, обычаях, обрядах, мифах, т.е. иными словами, анализ процессов восприятия, познания, мышления и эмоционального отношения человека к миру. Язык «как деятельность народного духа» в соответствии с направленностью сравнительной антропологии рассматривается одновременно и как инструмент ментального упорядочивания мира, и как зеркало этнического мировидения.

Совершенно очевидно, что решение задач этой науки возможно лишь при условии сопряжения усилий лингвистов, историков, этнографов, культурологов, этнических психологов, социологов и философов, поскольку в самой своей основе она носит интердисциплинарный характер. Перед лингвистикой открывается, таким образом, новое поле исследований, связанных с герменевтическим изучением языка, что позволяет перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т.е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения. А это значит, что из лингвистики «в самой себе и для себя» (Ф. Соссюр) она превращается в «зачем / почему-лингвистику» (А.Е. Кибрик). И в этом превращении в интерпретационную лингвистику особая роль принадлежит когнитологии.

Стремление дать языковым фактам культурологическое, этнопсихологическое, историческое объяснение позволило соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и тем опытом, который они в качестве структур знания отражают. Так постепенно пришло осознание того, что именно язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами. Обосновывая этот тезис, Н.Д. Арутюнова остроумно замечает: «Если Бог создал человека, то человек создал язык — величайшее свое творение. Если Бог запечатлел свой образ в человеке, то человек запечатлел свой образ в языке. Он отразил в языке всё, что узнал о себе и захотел сообщить другому. Человек запечатлел в языке свой физический облик, свое внутреннее состояние, свои эмоции, интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе — земной и космической, свои действия, свои отношения к другому человеку»¹.

Присутствие человека в языке ощущается на всех языковых уровнях (ср., например, развитие категории одушевленности в старославянском и древнерусском языках, которая первоначально зарождалась как категория *л и ц а* и появилась сначала у существительных мужского рода, обозначающих общественно полноправных лиц, таких, например, как *отъсьь*, *мъжьь*, *къназьь* и др.; или возникновение безличных предложений в русском языке, которое первоначально было связано с древними воззрениями славян на природу, поскольку система грамматических форм безличного предложения сформировала значение производителя действия как высшую стихийную, непознанную силу (ср. *морозит*, *знобит*, *лихорадит* и др.).

Однако более всего антропоцентричность языка проявляется в лексике и особенно в словообразовании, в котором ярко выражена идея языкового созидания (или, по Гумбольдту, «энергейи»). Эта идея является производной от динамической концепции языка, пронизывающей всё учение Гумбольдта, согласно которой язык рассматривается как порождение, как непрерывный акт словотворчества человека. Изучение лексики и словообразования в их погруженности в жизнь показало, что язык является не пассивной объективацией внешнего мира, а сознательным и целенаправленным словотворчеством, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое. Сам процесс **означивания** предметов и явлений внешнего мира с помощью лексических и словообразовательных средств представляет измерение их **значимости** для носителей языка.

Вот почему осмысление языка культуры начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку лексика является самым чувствительным индикатором культуры. Обратившись к изучению языка культуры, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью исследования слова либо с точки

¹ Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 3.

зрения его семантической структуры (ее разложимости на элементарные смыслы), либо с точки зрения его синтагматики (узусной или свободной сочетаемости), либо с точки зрения его внутренней формы, определения тех мотивационных признаков, которые были актуализированы в слове в языкотворческом акте, либо с точки зрения его коннотативных приращений и т.д. Именно поэтому слово представляет собой культурное творение, которое нельзя объяснить, не обратившись к истории народа, его традициям и религии.

При этом для понимания русской культуры чрезвычайно важным является обращение не просто к русскому языку, а к языку традиционной (или крестьянской) духовной культуры. Однако в контрастивных исследованиях, направленных на выявление своеобразия русского языка, этот аспект часто недооценивается. Внимание исследователей сосредоточено в основном на фактах литературного русского языка, т.е. языка элитарной (книжной) культуры. «И это вполне естественно, — считает Е.Л. Березович. — При недостаточной методологической оснащенности антропологического языкознания исследователям очень важна поддержка собственной интроспекции, собственного языкового “слуха”, а также “прозрачность” изучаемых фактов, их максимальная доступность анализу. Однако при этом неизбежны существенные потери: современные европейские литературные языки испытывают такое жесткое взаимовлияние, и особенно языков международных <...>, что очень сложно говорить об этническом своеобразии той картины, которая может быть получена в ходе анализа»². Кроме того, нельзя забывать и тот факт, что в русской культуре, кроме элитарной, существует и народная (крестьянская) культура, которую репрезентируют диалекты³. Именно они способны дать наиболее полное представление об этнической культуре русского народа. Однако современная этническая традиционная культура русских — «своего рода “ископаемый реликт”, ибо семьдесят лет советской власти было посвящено вполне сознательному и планомерному искоренению традиционного мироощущения. Советская культура вобрала в себя идеологизированный вариант дворянской, т.е. освоенной иноэтнической, культуры, постепенно исключив из культурной социализации этническую культуру с ее обрядами, свадебными и поминальными “плачами”, с её праздниками, которые разыгрывались как многоактные представления»⁴.

Это языковое различие двух культур особенно сильно ощущалось в XIX веке. Так, А.С. Грибоедов, говоря о впечатлении от крестьянского пения на слушателей, принадлежащих «к классу полугерманцев», писал:

² Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 10.

³ Подробнее см.: Толстой Н.И. Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 8.

⁴ Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996. С. 131.

«Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими <...>, народ, единокровный наш народ разрознен с нами, и навеки. Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец <...>, он, конечно, бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами»⁵. В XX веке положение усугубилось тем, что языковая политика нашего государства, основные направления которой сформировались еще в 20-е годы, препятствовала научному изучению традиционной духовной культуры. Эпоха «строительства социализма» породила своеобразный социальный заказ, связанный с дискредитацией старых народных традиций, народной культуры и соответственно диалектов. Не случайно в Предисловии к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля интерес к изучению народного языка расценивался как реакционный, «тянувший язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс»⁶. Между тем именно в языке традиционной духовной культуры лежит то исконно русское, не замутненное западноевропейским влиянием, что определяет ее национальное своеобразие.

Не могу в связи с этим не привести мнение известного русского мыслителя и общественного деятеля И.Л. Солоневича, который писал, что «психология народа не может быть понята по его литературе. Литература отражает только отдельные клочки национального быта — и, кроме того, клочки, резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так, Лев Толстой, разочарованный крепостник, с одной стороны, рисовал быт русской знати, окрашенный в цвета розовой идеализации этого быта, и с другой — отражал чувство обреченности родного писателю слоя. Ф. Достоевский — быт деклассированного и озлобленного разночинца <...>. А. Чехов — быт мелкой интеллигенции <...>. М. Горький — социал-демократического босняка <...>. Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни. **Литература всегда является кривым зеркалом народной души.** Наша литература в особенности, ибо она родилась в эпоху крепостничества, достигла необычайной технической высоты и окрасила все наши представления о России в заведомо неверный цвет. Но в такой же цвет окрасила их и русская историография»⁷.

Продолжая мысль И.Л. Солоневича, следует сказать, что адекватная характеристика психологии народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на данные языка. Апелляции к мнениям и оценкам каких-либо авторитетов из области литературы или философской мысли являются мало убедительными, поскольку это всегда взгляд со сто-

⁵ См.: Лескинён М.В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. С. 456.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь. Т. I. М.: Гослитиздат, 1935. С. 14.

⁷ Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 340.

роны, который отличается субъективизмом. А это значит, что необходимо отрешиться от навязываемых оценок и проникнуть в идеологию языка. Тем более что успехи когнитивно-ориентированной лингвистики говорят о том, что «языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая “отражается” в зеркале естественного языка»⁸. Более того, сама логика развития *зачем / почему-лингвистики* требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики — «найти доступ к Человеку через язык». Поэтому только язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами.

В этой связи чрезвычайно продуктивным оказывается понятие «архетипа», (от греч. *arche* ‘начало’ и *typos* ‘образ’), предложенное впервые К. Юнгом, которое, однако, сегодня широко используется теоретиками культуры. Архетип представляет собой первичный образ, доминанту *коллективного бессознательного*. Он задает общую структуру личности и последовательности образов, всплывающих в сознании при пробуждении творческой активности, инвариантом которой является языковое творчество. Архетип, по мнению К. Юнга, обнаруживается там, где мы имеем дело с **единообразными и регулярно повторяющимися** способами понимания и интерпретации мира (сознательно обработанный, он принадлежит целым народам или эпохам, представая в сказках, мифах, верованиях, тайных учениях), поэтому каждая культура через архетипы воспроизводит свое прошлое, ведет нас к истокам своего возникновения.

Использование этого понятия при исследовании диалектного слова создаст, как представляется, необходимые предпосылки для перехода от эмпирических фактов к типологическим обобщениям при изучении языкового сознания народа, что заложит лингвистический фундамент для объединения наук о культуре.

Проиллюстрируем эту мысль на примере такого базового концепта русской традиционной духовной культуры, как ТРУД.

Работая в настоящее время над описанием русского микрокосма, мы столкнулись с довольно часто встречающимися негативными оценками русского народа и, в частности, с указанием на его *л е н о с т ь*, пассивность, отсутствие деятельностного начала, ср., например, следующее замечание: «Западное мышление предполагает отделение человеком себя от природы, не признание себя ее частью. В результате вырабатывается прагматично-материалистический подход к окружающему миру, исключающий наличие души и других нематериальных нравственных категорий. Это приводит к трансформации функции человека в западной культуре в *а к т и в н о с т ь*, д е я т е л ь н о с т ь. Незападное мышление, присущее в основ-

⁸ Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 75.

ном русским людям, в философском плане исходит из неразделимости человека и природы, из признания себя ее частью. Следовательно, и функция человека трансформируется в с у щ е с т в о в а н и е и гармонию, слияние с природой»⁹.

Эти оценки берут свое начало, как правило, не в объективном анализе языка, а в субъективных высказываниях авторитетов русской философской мысли. Приведу в связи с этим высказывание Н.А. Бердяева, который, говоря об особенностях русской ментальности, указывал на ее связь с необозримостью русских пространств. В статье, которая так и называется «О власти пространств над русской душой», он пишет: «С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактором русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это — география русской души. <...> Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны»¹⁰.

Анализ диалектного материала в предложенном ракурсе позволил критически воспринять подобные оценки, многие из которых являются сомнительными и далекими от истинного положения дел, подлинную сущность которых раскрывает нам диалектное слово.

Верное в своей первой посылке, а именно в признании слияния русского человека с природой (находящее поддержку, в частности, в том факте, что среди русских фитонимов практически не встречаются такие, в которых словообразовательно актуализировалась бы эстетическая оценка, что как раз и доказывает спаянность человека с миром природы, поскольку отсутствие дистанции между человеком и миром природы не позволяет взглянуть и оценить ее как бы «со стороны»)¹¹, это утверждение является ошибочным в своем заключении, поскольку речь может идти скорее не о созерцательном отношении русского человека к природе, а о **деятельностном** отношении,

⁹ Шиверских М.Р. Адаптационные тренинги как средство улучшения межкультурного взаимодействия в процессе реализации совместных образовательных программ // Россия — Запад: диалог культур. Материалы III Международной конференции / отв. ред. А.В. Павловская. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 1997. С. 363.

¹⁰ Бердяев Н.А. Национальность и человечество // Судьба России: Опыт по психологии войны и национальности. М.: Издательство Московского университета, 1918. С. 23. Следует отметить, что подобная точка зрения была широко распространена и в русской академической науке XIX в. См., например, работы российского антрополога И.А. Сикорского, историка А.П. Щапова, писателей Н.Н. Златовратского, В.В. Богданова, Ф.П. Еленева, полагавших, что отличительными русскими свойствами являются «леность, вялость, сонливость, неподвижность, недеятельность» и т.д. Подробнее см.: Лескинен М.В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности.

¹¹ Подробнее см.: Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998.

проявляющемся в постоянной борьбе с ней за свое выживание. Думается, что именно суровая природа срединной и северной России, требующая упорного труда, настойчивой и постоянной энергии, способствовала формированию деятельного характера русского человека¹².

Об этом свидетельствует и тот факт, что русская традиционная культура — это **культура** прежде всего **хозяйственной деятельности**, основой созидательных ценностей которой является труд (не случайно *жить* в русских диалектах — это ‘трудиться’ Калуж., Свердл.: *Она в больнице живет медсестрой*; а *живоватый* — это ‘способный трудиться’ Карел., СРНГ 2: 55¹³). С точки зрения жизненных и поведенческих установок традиционной культуры, существование человека — это борьба за самосохранение и выживание, и в иерархической структуре ее ценностных ориентаций труд является главной ценностью. Поэтому среди имен, представляющих человека традиционной духовной культуры, на первом месте стоят имена, описывающие его трудовую деятельность, ср., например, многочисленные названия **пахаря**: *оральник* Арх., СРНГ 23: 327¹⁴; *оратай* Олон., Карел., Арх., Перм., СРНГ 23: 328; *оратый* Зап., СРНГ 23: 328; *орбец* Пск., СРНГ 23: 330; *орец* Пск., Твер., Ленингр., СРНГ 23: 337; *пахальщик* Твер., СРНГ 25: 286; **сеятеля**: *засевала* Ряз., Ч: 185¹⁵; *засевальщик* Ряз., СРНГ 11: 22; *засевиц* Урал., СРНГ 11: 24; *насевиц* Пск., СРНГ 20: 155; *подсевала* Яросл., Ч: 428; *севак* Калин., Яросл., Ряз., Моск., Свердл., СРНГ 39: 98; *севаль* Свердл., Яросл., СРНГ 39: 99; *севальщик* Дон., Перм., Свердл., Киров, СРНГ 37: 100; *севарь* Орл., СРНГ 39: 100; *севач* Перм., Тюмен., Курган., Свердл., СРНГ 37: 100; **косаря**: *косак* Калин., Ч: 233, *косырь* Курск., Ч: 236; *косильщик* Вят., Ленингр., Пск., Ворон., Ч: 233; *косельщик* Свердл., Арх., Ч: 233; *косяк* Вят., Волог., Свердл., Ч: 236; *накосчик* Пск., Ч: 321; **жнеца**: *жалыник* Олон., Ч: 155; *жалыщик* Ворон., Твер., Ленингр., Ч: 155; *жатух* Ср. Урал, Ч: 155; *жневец* Новосиб., Ч: 163; *жней* Челяб., Южн. Урал., Моск., Ч: 163; *жнивец* Смол., Ч: 163; *жнитух* Ср. Урал, Ч: 163; **молотильщика**: *замолотник* Карел., Ч: 179; *замолотчик* Арх., Твер., Ч: 179; *молотельщик* Моск., Перм., Урал., Ч: 306; *молотила* Пск., Твер., Ч: 306; *молотильник* Новосиб., Ч: 306; *молотяга* Сиб., Перм., Ср. Урал, Краснояр., Кемер., Курган., Иркут, Ч: 306; *обмолотчик* Ленингр., Пск., Ч: 382 и т.д.).

¹² См., например: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т. 1. СПб.: Издательство Д.Е. Кожанчикова, 1872. С. 471; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. С. 66; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 78.

¹³ *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей.* Вып. 2 / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995.

¹⁴ Здесь и далее: СРНГ — *Словарь русских народных говоров.* Вып. 1–51. Л. (СПб.): Наука, 1965–2019.

¹⁵ Здесь и далее: Ч — *Человек в производных именах русской народной речи: словарь* / М.А. Алексеенко, О.И. Литвинникова. М.: ЭЛПИС, 2007.

Причем, в отличие от литературного языка семантическое поле *nomina professionalia* характеризуется чрезвычайно детальной лексической проработанностью, так как среди них представлены имена, подробно описывающие сам характер трудовой деятельности человека (ср. *кочкодёр* ‘человек, разделяющий кочковатую землю под посеvy’ Яросл., СРНГ 15: 134; *разбивальщик* ‘человек, разбивающий вилами навоз и разбрасывающий его по полю’ Пск., Смол., Калуж., СРНГ 33: 260; *навивальщик* ‘тот, кто навивает сено, солому на стог’ Ряз., Тул., Курск., Калинин., Новг., Ч: 316; *стогометатель* ‘тот, кто мечет сено в стог’ Амур., Новосибир., Ч: 49 и т.д.), а также указывающие на его временные пределы (ср. *вселетник* ‘работник, нанятый на все лето’ Волог., Ч: 92; *жатник* ‘работник, нанятый на время жатвы’ Ср. Урал, Ч: 155; *замолоченный* ‘работник, нанятый только на молотьбу’ Ср. Урал, СРНГ: 254; *обьдёнщик* ‘рабочий-подёнщик’ Арх., Ч: 387 и т.д.).

Деятельностное отношение к природе прослеживается и в номинациях **земли, отвоеванной у леса** и расчищенной под пашню (ср. *выжига* Яросл., СРНГ 5: 279; *дерюга* Волог., СРНГ 8: 28; *драка* Волог., Яросл., СРНГ 8: 170; *зачисток* Костром., СРНГ 11: 179; *паленище* Яросл., Перм., СРНГ 25: 166), а также в многочисленных **названиях непаханой** (ср. *непахоть* Влад.; *непахотина* Свердл.; *непашка* Урал., Горьк.; *непашь* Саратов., Ряз., Горьк., СРНГ 21: 108) и **паханой земли** (ср. *оранина* Сиб., Свердл., СРНГ 23: 27; *ораница* Новг., Олон., Сев.-Двин., Петерб.; *оранка* Новорос., СРНГ 23: 328; *пахань* Смол.; *паханина* Вят., Арх., Перм., Ворон., Дон., СРНГ 25: 286; *пахотина* Перм., СРНГ 25: 294; *пашнина* Яросл., Костром., СРНГ 25: 307; *пашурица* Арх., СРНГ 25: 308 ‘пахотная земля, пашня’), **лугов** (ср. *косьба* ‘скошенный луг’ Яросл., СРНГ 15: 95) и **полей** (ср. *жатье* ‘сжатое поле’ Арх., СРНГ 9: 87; *попашка* ‘засеянное поле’ Пск., Твер., СРНГ 29: 300). В основе всех этих имен лежит акторный мотивационный признак, т.е. земля в них предстает как объект деятельности человека, причем деятельности чрезвычайно тяжелой, о чем говорят многочисленные **глаголы, обозначающие трудовую деятельность** человека, ср. *бесстужиться* ‘усердно и напряженно трудиться без отдыха’ Арх., СРНГ 2: 279; *горбачиться* ‘много и тяжело работать’ Брян., СРНГ 7: 17; *ломаться* ‘много и тяжело трудиться’ Костром., Арх., Ряз., Твер., Пск., Смол., Урал, СРНГ 17: 118; *запрягаться во весь хомут* ‘делать самую трудную работу’ Калуж., СРНГ 10: 362; *работать до убитого глаза* ‘работать до изнеможения’ Орл., СРНГ 6: 186 и т.д.).

На деятельностное отношение человека к природе указывают и мотивационные признаки многочисленных производных имен семантической сферы «Растительный мир», среди которых на переднем плане оказываются хозяйственные приоритеты, прагматические цели (ср., например, **названия леса**: *избняк* ‘лес, идущий на строительство домов’ ЛАРНГ¹⁶; *кровельник*

¹⁶ Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ): Т. 1. Растительный мир / отв. ред. Т.И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 71-74.

‘лес, идущий на постройку крыш’ Твер., Пск., СРНГ 15: 267; *мостовняк* ‘лес, употребляемый на настил моста’ Моск., СРНГ 18: 291–293; *полозняк* ‘лес, годный для полозьев’ Забайкал., СРНГ 29: 106 и т.д.).

Наконец, об этом свидетельствуют и собственно субъектные номинации, маркирующие отрицательное отношение языка традиционной культуры к человеку ленивому и бездеятельному. Кроме общего названия **ленивого человека**, бездельника (ср.: *безделой* Пск., СРНГ 2: 187; *безработица* Свердл., СРНГ 2: 198; *блудень* Новг., СРНГ 3: 29; *болтень* Костром., СРНГ 3: 81; *валек* Волог., Костром., Перм., Свердл., СРНГ 4: 24; *висляй* ‘Курск., Смол., Пенз., Казан., СРНГ 4: 297; *вихляй* Смол., Влад., Волог., Новг., СРНГ 4: 304; *залежень* Новг., Тул., СРНГ 10: 197; *изленок* Пск., Твер., СРНГ 12: 138; *легкобытчик* Краснодар., СРНГ 16: 312; *легкопар* Тул., СРНГ 16: 313; *лежбечина* Пск., Смол., Олон., Свердл., СРНГ 16: 331; *лентяк* Сев.-Двин, Арх., Волог., Перм., Урал., Заурал., Курган., Иркут., СРНГ 16: 357; *ложбень* Ворон., СРНГ 17: 107; *мякун* Влад., СРНГ 19: 81; *невстань* Пск., СРНГ 20: 362; *недея* без указ. места, СРНГ 21: 13; *неделух* Влад., Ч: 335; *нетрудь* Урал., Ч: 365; *прилавень* Пск., Твер., СРНГ, 31: 268; *пустокорм* Яросл., Костром., Ч: 455 и т.д.), в диалектах существует множество дифференцирующих, социально ориентированных названий, в которых этот признак уточняется.

С точки зрения народной этики ленивый человек и в социальном, и в этическом плане оценивается как человек:

- ▶ ‘**праздный**’, бездельник, который лишь гуляет, праздно шатается (ср. *зброда* Терск., Моск., Волог., Арх., Олон., СРНГ 9: 75; *междудворник* Ворон., Ч: 293; *междедвор* Курск., Дон., Ч: 293; *междедворец* Орл., Ч: 293; *нагульник* Забайк., Ч: 317; *шлында* Новосибир., Ч: 511);
- ▶ ‘**который предпочитает лежать**’ (ср. *валюга* Волог., Костром., Яросл., Влад., Тул., Ч: 68; *валявка* Волог., Арх., Новг., Яросл., Костром., Казан., Ч: 69; *валявок* Арх., Ч: 69; *валяха* Твер., Ч: 69; *завалюга*, *завалюжка* Пск., Твер., Ч: 168; *лёга* Курск., Ворон., Яросл., СРНГ 16: 309; *лежень* Яросл., Перм., Ср. Урал, Новг., Брян., СРНГ 16: 332; *леженька* Яросл., Смол., СРНГ 16: 334; *леженья* Нижегород., СРНГ 16: 334; *лежабок* Ленингр., СРНГ 16: 326; *лежак* Южн. Урал., СРНГ 16: 337; *лежака* Ворон., СРНГ 16: 326; *лежник* Ряз., СРНГ 16: 337; *лежниога* Брян., СРНГ 16: 337; *лежня* Калин., СРНГ 16: 337; *лежняк* Арх., СРНГ 16: 337; *лежун* Якут., СРНГ 16: 337; *недвига* Курск., Ворон., Дон., Ставроп., Ч: 335; *неподвиль* Пск., Твер., Костром., Ч: 351);
- ▶ ‘**неловкий, неумелый**’ (ср. *мякуля* Яросл., СРНГ 18: 81; *неделаха* Приурал., Ч: 335; *развальня* Яросл., Ч: 463; *развалюга* Костром., Ч: 463; *разваля* Яросл., Ч: 463; *развара* Яросл., Ч: 463; *расхляба* Яросл., Ч: 471);
- ▶ ‘**медлительный, нерасторопный**’ (ср. *валух* Ворон., Дон., СРНГ 4: 31; *валюка* Калин., Ч: 68; *валюга* Влад., Яросл., Волог., СРНГ 4: 34; *мягкий* ‘ленивый, нерасторопный’ Яросл., Калуж., СРНГ 18: 73; *непропёка* ‘неповоротливый, ленивый человек’ Калуж., Твер., Тул., Орл.,

- Костром., Ч: 354; *неповоротень* ‘медлительный, неуклюжий человек’ Пск., Твер., Калуж., Курск., Смол., Костром., Новосиб.; // ‘ленивый человек’ Енис., Костром., Ворон., СРНГ 21: 112);
- ▶ ‘**бесхозяйственный**’ (ср. *бездомовица* 1) ‘лентяй’ Перм., Вят.; 2) ‘бесхозяйственный человек’ Свердл., Ч: 33; *междвор* 1) ‘бездельник, лентяй’ Курск., Дон.; 2) ‘бесхозяйственный человек’ Кубан., Ч: 293);
 - ▶ ‘**который долго спит, соня**’ (ср. *дрёма* Костром., Пск., Перм., СРНГ 8: 183; *дыхала* Пск., Калуж., СРНГ 8: 232; *засона* Арх., Перм., Ч: 186; *засоня* Тобол., Том., Перм., Урал, Ч: 186; *засиха* Волог., Костром., Ч: 187);
 - ▶ ‘**который живет за чужой счет**’ (*алырник* ‘бездельник, лентяй, дармод’ Южно-Сиб., Саратов., Перм., Ворон., Тамб., Твер., Нижегород., Казан., Самар., Ярослав., Волог., Пенз., Ср. Урал., Ч: 14; *чужестинник* ‘бездельник, лентяй’ Ряз., Ярослав., Ч: 508; *волтруп* ‘лентяй, дармод’ Нижегород., Ч: 86 (*волтрупить* ‘валяться, спать, лениться’); *мироедина* ‘тот, кто живет чужим трудом’ Пск., Ч: 299; *нахлебник* ‘лодырь, дармод’ Кубан., Сиб., Ч: 328; *легкобытник* ‘любитель легкой жизни, лентяй’ Краснодар., Ч: 262; *нетрудник* ‘ленивый человек, живущий за чужой счет’ Арх., Ч: 365; *охребетник* Пск., Твер., Ч: 405).

В диалектном слове, таким образом, отрицательно оцениваются такие качества человека, как праздность, вялость, сонливость, неумелость, недобросовестность в труде, небрежное отношение к работе и в целом к хозяйству, стремление жить за чужой счет, поскольку все они характеризуют его как человека ленивого, бездеятельного. Поэтому лентяй в языке традиционной культуры воспринимается как *злыдень* (Олон., Саратов., Ворон., Калуж., Пск.: *Отроду злыдень, всё бы на чужой шее жил* СРНГ 11: 294; ср. также *злыга* ‘лентяй’ Перм., СРНГ 11: 292; *злыдня* ‘ленивая женщина’ Смол., СРНГ 11: 295; Ярослав., ЯОС 4: 123¹⁷).

На фоне этого многочисленного (но далеко не полного) списка имен названия трудолюбивого человека представлены значительно скромнее (ср. *работень* Ряз., Ч: 459; *работила* Орл., Ч: 459; *робящий* ‘трудолюбивый’ Новосиб., Ч: 473; *роботнущий* Перм., Ч: 473; *радливый* ‘трудолюбивый, усердный, старательный’ Сиб., Влад., Свердл., СРНГ 33: 248; *Мама-то у нас, ой, какая радливая, бойкая была, пойдет, продольники-те наставит, рыбы наудит, оладьи утром-от напечет, насокет, шибко мама радливая-то была* Печор.¹⁸; *заразной* ‘трудолюбивый, энергичный’ Волог., Ч: 185; *зарывной* Вят., Киров., Волог., Краснодар., Ч: 165; *непокойный* ‘трудолюбивый человек, не любящий сидеть без дела’ Моск., Ч: 351; *обитуй* ‘трудо-

¹⁷ Ярославский областной словарь. Учебное пособие. Т. 1-10 / науч. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ, 1981-1991.

¹⁸ Калиновская В.Н. Некоторые лексико-семантические особенности слов по теме «Человек» // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). 1998 г. / отв. ред. И.А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 2001. С. 213.

любивый человек' Чкал. (*обитовать* 'прилежно трудиться') Ч: 379; *трудник* 'тот, кто много трудится' Новосиб., Ч: 497; *трудовак* 'то же' Новосиб., Ч: 497; *трудолюбивый* 'трудолюбивый' Перм., Ч: 497; *трудящий* 'то же' Амур., Ч: 497; *трудоливый* Арх., Печор., Перм., Коми, Бурят., СРНГ 45: 155 и т.д.), что вполне согласуется с представлениями о норме, существующими в крестьянской культуре. В традиционном языковом сознании лень входит в противоречие с принципами выживаемости, соборности, коллективности (ведь отлынивая от работы, человек перекладывал ее на другого). Вот почему в русских диалектах так много названий ленивого, нерадивого человека, в которых отчетливо просвечивает отрицательное отношение к человеку пассивному, бездеятельному. Тогда как трудолюбивый человек — явление, вписывающееся в норму, а потому не требующее специального языкового выражения.

Думается, что этот регулярно повторяющийся мотив в концептуализации труда не может быть случайным. Он говорит о том, что в диалектном слове отразилась нравственная установка традиционной культуры, в которой труд является регулятивной категорией. Он воспринимается как неотъемлемая составляющая жизни человека, его естественное состояние. Будучи глубинной основой бытия человека, труд обеспечивает его выживание, поэтому является константой человеческой жизни, наполняя ее смыслом. При этом он составляет основу не только благополучия, но и нравственности человека. Будучи культурной нормой жизни, он формирует личность и определяет ее положение в обществе. Социум выносит свой вердикт, оценивая значимость каждого своего члена через его трудолюбие как форму социально ответственного поведения. В представлениях языка традиционной культуры человек, не обнаруживающий склонности к труду, отторгается социумом как не отвечающий нравственным устоям общества.

Поэтому труд в диалектах — это не просто деятельность, а **этически значимая деятельность**, которою до сих пор определяется русская ментальность (ср. *потрудиться* 'исполнить обет, сделать доброе дело' Ряз., СРНГ 30: 309). Вот почему, отрицая трудолюбие как качество русского человека, мы отрицаем саму нравственную основу его жизни.

Итак, приведенный материал убедительно свидетельствует о том, что адекватная характеристика психологии народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на данные его языка. Диалектное слово «выступает неким концентратом культуры нации»¹⁹. В диалектах до сих пор живут различные формы культурной традиции, социальной и культурной деятельности человека традиционной культуры, так как диалектный язык «насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание»²⁰. Опора на языковые средства позволяет не только избежать

¹⁹ Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1996. С. 29.

²⁰ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 71.

субъективности в оценке, но и в известном смысле «реконструировать» те культурные смыслы, которые образуют целую этическую философию, связанную с осмыслением жизни и духовных ценностей человека традиционной культуры. Поэтому, изучая диалектное слово, мы сможем понять не только архетип нашей культуры, но и ее подлинную сущность, ибо каждая культура живет и развивается в «языковой оболочке», определяя характер и состояние этой оболочки.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999.
2. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
5. Калиновская В.Н. Некоторые лексико-семантические особенности слов по теме «Человек» // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). 1998 г. / отв. ред. И.А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 2001. С. 211–215.
6. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.
7. Лескинен М.В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016.
8. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1996.
9. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996.
10. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
11. Толстой Н.И. Избранные труды. Т. III. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999.
12. Шиверских М.Р. Адаптационные тренинги как средство улучшения межкультурного взаимодействия в процессе реализации совместных образовательных программ // Россия — Запад: диалог культур. Материалы III Международной конференции / отв. ред. А.В. Павловская. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 1997. С. 363–367.

References

1. Arutiunova, N.D., 1999. *Logicheskii analiz iazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i iazyke* [Logical Analysis of Language. The Image of Man in Culture and Language]. Moscow: Indrik.
2. Berezovich, E.L., 2007. *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.

3. Gumbol'dt, V., 1984. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu* [Selected Writings in Linguistics]. Moscow: Progress.
4. Kalinovskaia, V.N., 2001. Nekotorye leksiko-semanticheskie osobennosti slov po teme "Chelovek" [Some Lexical and Semantic Features of the Words on the Topic "Man"]. In: Popov, I.A., ed., 2001. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniia). 1998 g.* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Studies)]. Saint Petersburg: ILI RAN, pp. 211–215.
5. Kibrik, A.E., 2008. Lingvisticheskaiia rekonstruktsiia kognitivnoi struktury. *Vo-prosy iazykoznaniiia*, N 4, pp. 51–77.
6. Leskinen, M.V., 2016. *Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX* [Velikoros / Velikorus. From the History of the Construction of an Ethnicity. The Nineteenth Century]. Moscow: Indrik.
7. Likhachev, D.S., 1996. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the Philosophy of Art]. Saint Petersburg: Rus.-balt. inform. tsentr "Blits".
8. Shiverskikh, M.R., 1997. Adaptatsionnye treningi kak sredstvo uluchsheniia mezhkul'turnogo vzaimodeistviia v protsesse realizatsii sovместnykh obrazovatel'nykh programm [Adaptive Training as an Instrument of Improving Intercultural Interaction in the Implementation of Joint Educational Programs]. In: Pavlovskaiia, A.V., ed., 1997. *Rossiiia — Zapad: dialog kul'tur. Materialy III Mezhdunarodnoi konferentsii* [Russia — West: Dialogue of Cultures. Proceedings of the Third International Conference]. Moscow: Tsentr po izucheniiu vzaimodeistviia kul'tur, pp. 363–367.
9. Sikevich, Z.V., 1996. *Natsional'noe samosoznanie russkikh (sotsiologicheskii ocherk)* [Russian National Consciousness (Sociological Essay)]. Moscow: Mekhanik.
10. Solonevich, I.L., 2010. *Narodnaia monarkhiia* [The People's Monarchy]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii.
11. Tolstoi, N.I., 1999. *Izbrannye trudy. T. III. Ocherki po slavianskomu iazykoznaniiu* [Selected Writings. Volume 3. Essays on Slavic Linguistics]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
12. Vendina, T.I., 1998. *Russkaia iazykovaia kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniia (makrokosm)* [Russian Language World Picture Through Word Formation (Makrokosm)]. Moscow: Indrik.